Р. БРУЦЦОНЕ

Бруццоне Рейчел (Bruzzone Rachel)
PhD
доцент, факультет гуманитарных наук и литературы,
Билькентский университет (Турция)
Bilkent University, 06800 Bilkent, Ankara, Turkey
Тел.: +90 (312)-266-41-29
E-mail: rachelbruzzone@gmail.com

Аппетиты войны в древнегреческой литературе

Аннотация. В статье разбираются персонификации образа войны в древнегреческой литературе, в особенности их частая связь с процессом пожирания/потребления. Война нередко олицетворяется в образах Ареса, Polemos или Stasis, а одним из наиболее частых ее характеристик является непомерный аппетит. Так, об Аресе в «Просительницах» Эсхила говорится, что он «пожинает» человечество (636), и к нему применяются эпитеты наподобие φθῑσίμβροτος ‘губящий мужей’, ἀκόρητος ‘ненасытный’ и т. п. В свою очередь, у Аристофана Polemos собирается приготовить города Греции на обед (Мир 230–289), а Солон изображает Stasis спящим, т. е. удовлетворяющим иную форму физической потребности (фр. 4.19). Люди, ставшие причиной войны или ведущие ее, часто ассоциируются с подобными потребностями, подразумевающими разные формы голода (например, Гомер. Илиада 11.67, Алкей. фр. 70.6). В основе подобных литературных репрезентаций лежит определенное политико-философское представление о природе и причинах войны, которая и порождается определенными людскими потребностями и аппетитами и в то же время служит их воплощением. Таким образом, война часто переключается на самих своих создателей, обращая голод человечества против самого человеческого сообщества и принуждая людей пожирать себе подобных. Такая образность подчеркивает опасность, которая немедленно возникает, стоит только поддаться подобным желаниям и аппетитам.

Ключевые слова: война, аппетиты, характеристики конфликта, античная политика

Кажется очевидным тот факт, что войны сопровождают человечество на всем протяжении его истории. Однако подобная неизбежность отчасти вызывает недоумение. Война — одна из наиболее известных нам деструктивных сил, и в истории было предпринято немало попыток регулиро-

© Р. БРУЦЦОНЕ (R. BRUZZONE)
© К. С. ДАНИЛОЧКИНА, пер. с англ.

вать ее, а это в первую очередь предполагает осознание причин ее возникновения и контроль над ними. Исследователи и обыватели и сейчас находятся под влиянием идей Клаузевица, теория которого заключалась в том, что война есть политика в ее наиболее остром проявлении. Сегодня мы строим предположения о природе войны и об инструментах, с помощью которых лучше всего сдерживать войны, или даже о возможности вообще их избегать — исходя из основополагающих идей, родившихся в невероятно оптимистичный век мыслителей и политиков, которые пришли на смену знаменитому теоретику. В этот период Европа и мир впервые объявили войну вне закона (пакт Бриана — Келлога 1928 г.) — невероятно оптимистичный порыв, завершившийся полным провалом. После войн XX в. политики предпринимали попытки построить на законодательном уровне международную систему запрета на ведение военных действий — с переменным, но все же успехом, который в настоящее время постепенно сходит на нет из-за перемен социального и технологического плана. Однако теории о юридической и политической природе войны напрямую связаны с общими установками Нового времени, и далеко не во все эпохи люди согласились бы с ними.

В статье я постараюсь обрисовать, как представлялись причины и сущности войны в другую, далекую эру, и тем самым частично показать, сколь по-разному в разное время смотрели люди на эту неотъемлемую часть своей жизни.

В греческой литературе война, именуемая Polemos, Stasis или Eris, чаще воспринимается как независимая сущность, а не как политический феномен, находящийся под контролем человека, как это обычно представляем себе мы. Приведу всего лишь один пример: начало войны часто приписывают божествам или политикам, которые «приносят ее» в город — выражение, которое отражает некую внешнюю данность, а не результат деятельности людей как таковых. Это справедливо для разных типов источников: подобные выражения можно встретить как в трагедиях[1], так и в речах ораторов[2]. В то время как Арес безусловно представляется воплощением войны, прочие типы конфликтов зачастую также персонифицируются — в соответствии с характерной для античности тенденцией одушевлять множество сущностей, которые сегодня воспринимаются как абстрактные[3]. Более того, одушевленные Polemos и Stasis более характерны для литературы V–IV вв. до н. э., чем антропоморфный Арес, представленный в человеческом образе в основном у Гомера. Концепция войны как сущности, обладающей телесными характеристиками, — это не просто поэтический троп, ибо такова она и у ряда прозаиков, в том числе у Фукидида, которого принято представлять мыслящим уже близкими нам категориями. Для него Polemos — это «жестокий учитель» (biaios didaskalos, 3.82.2). Эти существа часто наделены некоторыми наиболее важными харак-

[1] Eur. Hel. 38: πόλεμον γὰρ εἰσήνεγκεν Ἑλλήνων χθονὶ «Ведь [Зевс] принес войну на земли греков».

[2] Aeschin. 3.184: λιμόν τ’ αἴθωνα κρατερόν τ’ ἐπαγοντες Ἄρηα πρῶτοι δυσμενέων εὗρον ἀμηχανίην «Приведя голод, огонь и жестокого Ареса, первыми обнаружили беспомощность врагов».

[3] См.: [Höfer 1909; Reinhardt 1960; Bremmer 2013]. В работе [Webster 1954] рассматривается степень характеризации. О персонификациях Демоса см.: [Glowacki 2003].

теристиками, почерпнутыми из реального военного опыта. Так, у Гомера и Эсхила Stasis вопит (βρέμειν)[4], что без сомнения отражает ощущения, испытываемые на поле боя, или острые, разрушительные эмоции, которые порождает гражданская война.

Я рассмотрю две стороны одной характеристики персонифицированной войны: частое изображение ее пожирающей нечто, с одной стороны, и ее влечение к тем, кто обладает неумеренным аппетитом, с другой. По моему мнению, в этом образе мы видим литературное воплощение того, что кажется своего рода политической теорией, лежащей в основе распространенных греческих представлений относительно природы и причин войны, хотя мы редко найдем прямые подтверждения этому. Война неразрывно связана с потворством людским желаниям, и одна из ее основных функций — перенаправить человеческий аппетит в стремлении либо пожрать человечество самой, либо принудить его к пожиранию самого себя. Другими словами, война приходит как неуправляемый персонифицированный внешний объект, который направляет бесконтрольный голод человека на самого себя.

Подобные персонификации и литературные образы тем более важны, если учесть, что, несмотря на повсеместное распространение войны в античном мире, ее природа и причины прямо обсуждаются крайне редко. Среди немногочисленных примеров — платоновский Сократ, который в «Федоне» (66c) кратко затрагивает тему причин войны, заявляя, что человеческое тело устраивает войну из-за неумеренного аппетита, который проявляется в виде жажды наживы. В свою очередь, в «Государстве» (327a) утверждается, что война происходит из-за роста населения, в результате чего нужды людей перестают получать должное удовлетворение. В третий раз Сократ кратко формулирует общий вывод: война проистекает из необузданного роста городов и связанных с этим физических потребностей. Однако даже в этом случае он явно не склонен пускаться в рассуждения о всеобщей природе войны[5].

И если Платон предлагает нам сжатую версию некоторых греческих идей о том, что́ есть война и что́ является ее причиной, то литературные и исторические источники дополняют его, рисуя куда более полную картину. В них прослеживается тенденция соотносить различные типы конфликтов с разным уровнем проявления духа соревнования. Соревновательный дух при этом, как это ни парадоксально, может нести как пользу, так и вред. Этот парадокс можно проследить в одной из наиболее ранних трактовок природы состязания как такового, а именно в «Трудах и днях» Гесиода. В его поэме этот исконный

[4] Aesch. Eu. 976–977: μήποτ’ ἐν πόλει Στάσιν / τᾶιδ’ ἐπεύχομαι βρέμειν «Молю, чтобы Раздор никогда не кричал в этом городе».

[5] 373d-e: Οὐκοῦν τῆς τῶν πλησίον χώρας ἡμῖν ἀποτμητέον, εἰ μέλλομεν ἱκανὴν ἕξειν νέμειν τε καὶ ἀροῦν, καὶ ἐκείνοις αὖ τῆς ἡμετέρας, ἐὰν καὶ ἐκεῖνοι ἀφῶσιν αὐτοὺς ἐπὶ χρημάτων κτῆσιν ἄπειρον, ὑπερβάντες τὸν τῶν ἀναγκαίων ὅρον; ‹…› Πολεμήσομεν δὴ τὸ μετὰ τοῦτο, ὦ Γλαύκων; ἢ πῶς ἔσται; ‹…› Καὶ μηδέν γέ πω λέγωμεν, ἦν δ’ ἐγώ, μήτ’ εἴ τι κακὸν μήτ’ εἰ ἀγαθὸν ὁ πόλεμος ἐργάζεται, ἀλλὰ τοσοῦτον μόνον, ὅτι πολέμου αὖ γένεσιν ηὑρήκαμεν «Так что нам придется отрезать себе часть соседних земель, если мы намерены иметь достаточно места для пастбищ и пашен, и того же захотят наши соседи по отношению к нам, если и они, перейдя границы необходимого, перейдут к бесконечному приобретению всего подряд ‹…› А после мы будем воевать, Главкон? Или что будет? ‹...› И пока мы не скажем, с к а з а л я, принесет ли благо война или зло, а скажем лишь, что мы обнаружили, откуда происходит война».

соревновательный импульс, Eris, предстает как соперничество сил производительных и потребляющих, соперничество, чрезвычайно значимое для позднейших изображений войны. В его представлении двух типов Eris мы можем видеть диаметрально противоположные проявления двух сторон этого образа. Благая Eris, которую Зевс у Гесиода помещает «в глуби земли» (что лишний раз подчеркивает связь этой богини с плодородием), побуждает человека стать источником производительных сил: из ревности к богатому соседу даже ленивый всецело отдается работе и, заставляя плодоносить собственное поле, своим трудом приносит богатство уже себе[6].

В то же время дурная Eris пожирает и уничтожает, в этом случае дух соревнования оборачивается чередою битв. Параллели к этому гесиодовскому противопоставлению созидающей и разрушительной Eris, как кажется, обнаруживаются и в других ранних текстах, например в знаменитом описании Гераклитом Polemos как «отца всего сущего» (f.53) и в схожих замечаниях у него же о природе Eris (8). В то же время Polemos описывается в ранних текстах как brotoloigos, чума рода человеческого, или φθισήνωρ (например, Il. 2.833). Градация разных типов состязания, заложенная в гесиодовской трактовке двух Эрид, в дальнейшем приводит к различению войны как таковой и войны гражданской. По наблюдению Джонатана Прайса, лексика, которую использует Фукидид, чтобы описать эти два типа конфликта, подразумевает, что они являются разными стадиями развития одного и того же феномена, и историк относится к войне внутри полиса как к варианту Stasis более высокого уровня [Price 2001].

Контрастные последствия одного и того же базового стремления импульса проявляются в том, что война иногда объединяет, а иногда разделяет общества. Как утверждает Натан Аррингтон, Polemos может играть позитивную роль в укреплении внутреннего единства социума, что особенно ясно проявляется в почитании павших на войне [Arrington 2015]. Этот благой эффект также подчеркивается и в литературных текстах, когда, например, Афина в конце «Эвменид» благословляет Афины на приносящую добычу войны с чужаками, подразумевая, что подобные походы отвращают город от внутреннего раздора, от которого она и хотела его освободить[7]. В то же время Stasis воплощает собой предельное насилие и разрушение всех связей в гражданском сообществе. Таков ее образ у Солона: Stasis перепрыгивает через стены и настигает людей в их собственных домах, тем самым разрывая самые тесные родственные узы (Sol. 4.28).

Греческие тексты почти всегда относятся к войне как к чему-то сверхдетерминированному, а ее причиной становятся собственно человеческие и внешние факторы, помещенные как в мифологический, так и исторический контекст. Вспомним, например, Троянскую войну, в развязывании которой об-

[6] Hes. WD 16–25: τὴν δ’ ἑτέρην προτέρην μὲν ἐγείνατο Νὺξ ἐρεβεννή,/ θῆκε δέ μιν Κρονίδης ὑψίζυγος, αἰθέρι ναίων, / γαίης [τ’] ἐν ῥίζῃσι καὶ ἀνδράσι πολλὸν ἀμείνω· / ἥ τε καὶ ἀπάλαμόν περ ὁμῶς ἐπὶ ἔργον ἐγείρει·‹…› ζηλοῖ δέ τε γείτονα γείτων / εἰς ἄφενος σπεύδοντ’· ἀγαθὴ δ’ Ἔρις ἥδε βροτοῖσιν «Первая раньше второй рождена многосумрачной Ночью, / Между корнями земли поместил ее кормчий всевышний, / Зевс, в эфире живущий, и более сделал полезной: /Эта способна понудить к труду и ленивого даже ‹…› Сосед соревнует соседу, который к богатству / Сердцем стремится. Вот эта Эрида для смертных полезна» (пер. В. В. Вересаева)

[7] Aesch. Eu. 864–5: θυραῖος ἔστω πόλεμος, οὐ μόλις παρών, / ἐν ᾧ τις ἔσται δεινὸς εὐκλείας ἔρως «Пусть за дверью будет война, легко доступна для того, в ком будет ужасная страсть к славе».

виняют Париса, Елену или волю богов; или то, как в изображении Геродота *гибрис* (людская гордыня) и судьба вместе приводят к гибели народы; или Гермеса, который в «Мире» Аристофана уведомил Тригея, что боги послали одушевленный Polemos на землю, выдав ему карт-бланш, поскольку грекам слишком часто давали возможность принять мир, от которого они отказывались. Но в тех случаях, когда люди сами насылают на себя войну, часто говорится, что причиной тому стали алчность и самолюбие. Например, Тригей предполагает, что мир хотят нарушить жадные продавцы щитов или те, кто желает получить воинские почести (например, Pax 444: κεῖ τις ἐπιθυμῶν ταξιαργεῖν σοὶ φθονεῖ)[8], а про спартанцев в том же произведении сказано, что они погрязли в вероломной жадности (623), «отвергли мир и постыдным образом возбуждают войну» (625). В схожих выражениях угрожает тем, кто, стремясь к частной выгоде, разжигает войну, и хор Лягушек у Аристофана (361: κερδῶν ἰδίων ἐπιθυμῶν). У Фукидида один из главных двигателей войны — затмевающее все патриотические чувства неуемное стремление к личной выгоде, неважно какой ценой это обходится для государства (3.82–83). Основной причиной губительной для Афин Сицилийской экспедиции становится жадность вкупе с еще одним, достаточно загадочным проявлением неумеренного аппетита: историк говорит, что афинян обуяла eros, страсть во что бы то ни стало отплыть на Сицилию (6.24.3: καὶ ἔρως ἐνέπεσε τοῖς πᾶσιν ὁμοίως ἐκπλεῦσαι). Схожим образом корыстью объясняет Троянскую войну и Исократ (10.52.1).

Жадность, которая воспринимается как коренная причина войны, похоже, отражается и в ее персонификациях. В подобных одушевленных фигурах война нередко показана как неутолимый голод и зачастую изображается поедающей, собирающей урожай или вовлеченной в другие подобные действия. Причем в этой образной системе объектом пожирания почти неизменно становятся люди. И в «Илиаде», конечно, основная забота — быть «сожранным» правильно: Приам, например, боится, что его собственные собаки выпьют его кровь и сожрут его плоть (22.67–70), а Ахилл угрожает, что он скорее позволит животным съесть тело Гектора, чем разрешит предать его огню, при этом он использует одно и то же слово для обозначения пожирания (δαπτέμεν), чтобы описать оба варианта (23.183). Подобная сосредоточенность на процессе поедания сказывается и на характеристиках одушевленных образов войны. Гомер, например, сообщает, что у Polemos широкий рот[9], губительные Судьбы / Керы в «Щите» Гесиода, в свою очередь, дерутся за то, чтобы испить кровь павших (249–252)[10], в то время как Арес зачастую также пьет

[8] C. Ar. Pax 626–627: οἱ δ’ ἅτ’ ὄντες αἰσχροκερδεῖς καὶ διειρωνόξενοι / τήνδ’ ἀπορρίψαντες αἰσχρῶς τὸν πόλεμον ἀνήρπασαν· / κᾆτα τἀκείνων γε κέρδη τοῖς γεωργοῖς ἦν κακά· / αἱ γὰρ ἐνθένδ’ αὖ τριήρεις ἀντιτιμωρούμεναι / οὐδὲν αἰτίων ἂν ἀνδρῶν τὰς κράδας κατήσθιον «Они, будучи алчными и пренебрегающими узами гостеприимства, / бесчестно отбросили ее [Мир / Тишину] и подхватили войну, / и затем их прибыль была крестьянам во зло / ведь поэтому триремы, пришедшие отомстить, пожрали фиги безвинных людей».

[9] Il. 10.8: πτολέμοιο μέγα στόμα πευκεδανοῖο «[Зевс откроет] огромный рот разрушительной войны».

[10] [Hes.] Aspis 248–251: αἳ δὲ μετ’ αὐτοὺς Κῆρες κυάνεαι, λευκοὺς ἀραβεῦσαι ὀδόντας, δεινωποὶ βλοσυροί τε δαφοινοί τ’ ἄπλητοί τε δῆριν ἔχον περὶ πιπτόντων· πᾶσαι δ’ ἄρ’ ἵεντο αἵμα μέλαν πιέειν «И вслед за ними темные Керы, скрежеща белыми зубами, со страшными, карими, неприступными глазами, вели бой за тела павших, ведь все пришли испить черной крови».

кровь или жаждет ее (см. об этом подробно прежде всего работу Тамары Нил [Neal 2006]). И Эринии у Эсхила пьют «неразбавленную кровь» (Aesch. Ch. 577–578). В «Мире» Аристофана обращает на себя внимание искусно проработанный образ Polemos, который готовится перемалывать города Греции огромной ступкой, чтобы, вероятно, поглотить их (Pax 236–289), и вдобавок к этому говорится, что Сицилия будет натерта, как сыр, а к смеси добавят аттический мед. В «Ахарнянах» та же самая персона изображена как пьяница (paroinikos), которого не собираются приглашать на предполагаемые вечерния застолья[11]. Различные элементы и инструменты конфликта также могут быть голодны. Например, в «Илиаде» говорится про копья, которые «кусают» тела (например, 13.829–831)[12], — образ, который в других местах эпической поэмы оказывается перевернут, когда говорится о мужах, которые «пробуют на вкус» копье (21.60–61). Афинские триремы у Аристофана пожирают невинных мужей, как плоды, в отместку за несправедливую войну[13]. Выражению схожих идей служит образ сбора урожая: в «Просительницах» Эсхил пишет об Аресе, который срезает юность мужей[14], а далее в той же трагедии он занимается сбором человеческого урожая[15]. У Софокла во фрагменте с похожей образностью про саму войну сказано, что она наслаждается охотой на юношей[16]. Подобные картины — как и изображение Судеб, вступающих друг с другом в свой собственный бой за тела павших в войне, — заставляют задуматься о том, какая роль в возникновении или сдерживании конфликта отводится человечеству как таковому. Даже в позитивном контексте война пожирает: не случайно Перикл у Фукидида говорит, что павшие на войне предложили свои жизни в качестве ἔρανον (2.43.1) — термин, принятый для обозначения взноса на праздничный пир. В данном случае это коллективное приношение, адресованное городу и своим согражданам, но все равно сохраняется идея того, что жизни, отданные на поле брани, так или иначе «сжираются». Войну часто и по-разному описывают как «ненасытную»; скажем, Stasis и Polemos в принципе именуются ἀκόρετος, а в частности уточняется, что война не может насытиться какими-то отдельными ее составляющими, например, кровью или криком (ср. Aesch. Eu. 977–983).

Связь между войной, с одной стороны, и удовлетворением потребностей и утолением голода, с другой, проявляется и в стремлении греческих авторов описывать раздор как существо, влекомое к вещам достойным, прежде всего

---

[11] Ar. Ach. 979–982: οὐδέποτ’ ἐγὼ Πόλεμον οἴκαδ’ ὑποδέξομαι, / οὐδὲ παρ’ ἐμοί ποτε τὸν Ἁρμόδιον ᾄσεται / ξυγκατακλινείς, ὅτι παροινικὸς ἀνὴρ ἔφυ· / ὅστις ἐπὶ πάντ’ ἀγάθ’ ἔχοντας ἐπικωμάσας / ἠργάσατο πάντα κακά «Никогда я не стану принимать Polemos в моем доме, никогда он не будет распевать застольные песенки про Гармодия, лежа подле меня за столом, поскольку по природе своей он пьяница, что вяжется к тем, у кого все хорошо, и приносит им одно только зло».

[12] Cf. H. Il. 21.70: ἐγζείη ‹…› ἱεμένη χροὸς ἄμεναι ἀνδρομέοιο (копье, жаждущее плоти).

[13] См. выше прим. 8.

[14] Aesch. Suppl. 665–666: ἥβας δ’ ἄνθος ἄδρεπτον / ἔστω, μηδ’ Ἀφροδίτας / εὐνάτωρ βροτολοιγὸς Αρης / κέρσειεν ἄωτον «Пусть цвет юношей останется нетронутым, и пусть Арес, супруг Афродиты, губитель людей, их не пожинает»

[15] Aesch. Suppl. 637–638: Ἄρη / τὸν ἀρότοις θερίζοντα βροτοὺς ἐν ἄλλοις «Арес, пожинающий смертных на других полях».

[16] Soph. Radt f. 554: φιλεῖ γὰρ ἄνδρας πόλεμος ἀγρεύειν νέους «Ведь война любит охотиться на юношей».

к богатству. Из известных нам примеров особенно знаменит Арес — «меняла тел» у Эсхила (Ag. 437); Аристофан представляет чудище войны как не позванного на ужин гостя (Ach. 979–986). У Фукидида сицилийский политик Гермократ докладывает, что война процветает финансово (6.34.2: ὅ τε πόλεμος καὶ τἆλλα εὐπορεῖ); схожая мысль звучит из уст безымянного сицилийского военачальника, который советует начать сбор «лошадей, оружия и всех прочих вещей, которые войне в прибыток» (6.41.3), — один из немногих пассажей у Фукидида, в которых кто-либо или что-либо изображены счастливыми.

Итак, война часто изображается как существо с неумеренным аппетитом, жуткое абстрактное порождение неконтролируемого людского чувства голода. Даже в мирное время она не исчезает совсем, чего можно было бы ожидать, но часто оказывается, что она утоляет еще один род голода — предается сну. Солон призывает не будить Stasis (Раздор) и Polemos (Войну), причем о последней прямо сказано, что она спит[17]. Если иные изображения войны и лишены столь отчетливо телесных характеристик, в них присутствует все та же лексика, стандартная манера обвинять человека или божество в том, что они предположительно начали или пробудили войну[18]. Этот способ описания подчеркивает самодостаточность и независимость войны, ограниченность человеческих потуг ее контролировать. В одном, но очень показательном случае Арес характеризуется с помощью еще одного прилагательного, подразумевающего «желание, страсть», — μάχλον ‘похотливый’ (Aesch. Suppl. 635: μάχλον Ἄρη).

Обобщенные образы голода и пожирания, в том числе пожирания человечества как такового, весьма часто встречаются в рассуждениях о войне. В литературных источниках тема жадности, которая лежит в основе войны, часто проистекает из изображения голода и неконтролируемого аппетита, который приписывается тем, кто стал причиной ненужной войны или усугубляет уже происходящую. Голод и военная *гибрис* идут рука об руку. Геродот особенно сильно старается подчеркнуть неумеренный аппетит армии Ксеркса (8.117); отчасти это просто указание на ее величину, но историк специально сообщает, что неконтролируемое обжорство (οὐδένα ‹…› κόσμον ἐμπιπλάμενοι) стало главной причиной того, что столь многие воины умерли по дороге домой в Персию. В тех случаях, когда упор делается на роль самого человечества, люди не просто изображаются страдающими от неутолимого голода, порой мы сталкиваемся с каннибалистскими картинами пожирания себе подобных. Это становится своего рода зеркальным отражением поведения тех абстрактных существ, что олицетворяют собой войну. Уже в самых ранних текстах Ахилл обвиняет Агамемнона в трусости на поле битвы и в том, что он δημοβόρος βασιλεύς «царь, поглощающий людей» (Il. 1.231), тем самым подразумевая, что он якобы недостаточно печется о своем войске. В другой запоминающейся сцене герой жаждет сам пожрать тело Гектора (22.347). Тамара Нил пишет, что

[17] Sol. f 4.19–20: ἣ στάσιν ἔμφυλον πόλεμόν θ’ εὕδοντ’ ἐπεγείρει, / ὃς πολλῶν ἑρατὴν ὤλεσεν ἡλικίην· «Оно [рабство] вызвало междоусобицу и спящую войну, которая погубила многих из милых юношей».

[18] Thgn. 1.549: Ἄγγελος ἄφθογγος πόλεμον πολύδακρυν ἐγείρει «Безголосый вестник призвал многослезную войну»; Arist. Ran. 359–60: στάσιν ἐχθρὰν ‹…› ἀνεγείρει καὶ ῥιπίζει… «[Кто бы ни] пробудил и разжег ненавистный Stasis…»; X. Vect. 4.41: εἰ πόλεμος ἐγερθείη «если война будет пробуждена».

по мере того как жестокость в «Илиаде» нарастает, люди начинают буквально «жаждать» крови, приобретая одну из характеристик Ареса, не свойственную им на более ранее стадии повествования [Neal 2006: 30]. В свою очередь у Еврипида исступленная Андромаха приглашает греков вкусить плоть Астианакта, снова используя глагол δάπτω (Tr. 778) — слово с анималистическим оттенком, которое Ахилл использует для описания и огня, и поедания тел животными (Il. 23.183), Ксенофонт дважды описывает мужчин, которые порываются съесть сырую плоть своих врагов (Hel. 3.3.6, Anab. 4.8.14). В свою очередь Арес у Эсхила предстает «жнецом» жизней, а в «Илиаде» подобными «жнецами» оказываются уже сами люди[19]. Схожую лексику мы обнаруживаем и в надписях: например, одна из них описывает, как враги собирают урожай войны (IG I3 1162 l.45-8). Ранние историки, кажется, в наиболее напряженных моментах своего повествования также перенимают понимание «Илиадой» жажды крови как буквального стремления эту кровь пить. У Геродота Томирис помещает голову Кира в винный мех в глумливой попытке удовлетворить свою жажду крови (1.212, 214.5). Фукидид изображает своих афинских сограждан «счастливо пьющими» из кровавой грязи Ассинары (7.84.4)[20], в то время как «пелопоннесцы спустились вниз и резали тех, кто был в реке» (7.84.5) — употребленный глагол ἔσφαζον обычно применяется к животным жертвам. Подобные картины могут быть использованы метафорически: Алкей обвиняет Питтака в «пожирании города» и в других местах использует тот же глагол δάπτω, который ассоциируется с тем, как едят дикие звери, чтобы описать, как люди пожирают город, — а это, по всей видимости, должно повлечь за собой войну[21].

Войну можно привлечь избытком богатства, но вскоре она переворачивает все с ног на голову и обрекает своих жертв на голод. Среди множества примеров, в которых война выполняет данную функцию, можно привести «Мир» Аристофана, где говорится, что Афины белы от голода и потому готовы съесть все, что бы им ни кинули (642–643). Фукидид описывает Polemos так: «отобравший легкость повседневной жизни, жестокий учитель, который приспособляет ὀργάς (помыслы) большинства к обстоятельствам» (3.82.2). Как уже было отмечено, «Мир» Аристофана, комедия, сконцентрированная на пробле-

---

[19] H. Il. 11.67–73: Οἳ δ', ὥς τ' ἀμητῆρες ἐναντίοι ἀλλήλοισιν / ὄγμον ἐλαύνωσιν ἀνδρὸς μάκαρος κατ' ἄρουραν / πυρῶν ἠ κριθῶν· τὰ δὲ δράγματα ταρφέα πίπτει· / ὥς Τρῶες καὶ Ἀχαιοὶ ἐπ' ἀλλήλοισι θορόντες / δῄουν, οὐδ' ἔτεροι μνώοντ' ὀλοοῖο φόβοιο. / ἴσας δ' ὑσμίνη κεφαλὰς ἔχεν, οἳ δὲ λύκοι ὣς / θῦνον· Ἔρις δ' ἄρ' ἔχαιρε πολύστονος εἰσορόωσα «Воины так, как жнецы, устрояся друг против друга / Жать ячмень иль пшеницу на ниве богатого мужа, / Встречу бегут полосою, ручни на ручни упадают, — / Так соступившиесь воины, друг против друга бросаясь, / Бились: ни те, ни другие о низком не мыслили бегстве; / С рвением равным главы на сраженье несли и, как волки / В битве ярились. Вражда веселилась, виновница бедствий» (пер. Н. И. Гнедича, 1829).

[20] Th. 7.84.4–5: οἱ Συρακόσιοι ‹…› ἔβαλλον ἄνωθεν τοὺς Ἀθηναίους, πίνοντάς τε τοὺς πολλοὺς ἀσμένους ‹…› οἵ τε Πελοποννήσιοι ἐπικαταβάντες τοὺς ἐν τῷ ποταμῷ μάλιστα ἔσφαζον. καὶ τὸ ὕδωρ εὐθὺς διέφθαρτο, ἀλλ' οὐδὲν ἧσσον ἐπίνετό τε ὁμοῦ τῷ πηλῷ ᾑματωμένον καὶ περιμάχητον ἦν τοῖς πολλοῖς «Сиракузяне ‹…› стреляли сверху в афинян, многие из которых радостно пили ‹…› пелопоннесцы, спустившись к тем, кто был в реке, жестоко убивали их. И вода сразу же была испорчена, но пили ее не меньше, и даже боролись за нее, пусть смешанную с землей и запятнанную кровью».

[21] Alcaeus f. 70.6: δαπτέτω πόλιν «пусть он пожрет город»; F. 129.23–4: δάπτει τὰν πόλιν «он пожирает город».

мах войны, постоянно противопоставляет тяготы военного времени — голод, жалкие пайки, лепешки из навоза — и обильную пищу в мирное время. В других текстах установление мира открывает дорогу множеству удовольствий, включающих и еду [Reckford 1979].

Таким образом, война тесно связана с производством и потреблением, иногда служа и той и другой функции одновременно. Ее влечет избыточная жажда потребления, но сама она обрекает человечество на полную его противоположность — голод. В литературных текстах именно эта сторона становится ключевой в изображении различных характеристик войны и главной причиной, по которой ее возникновение казалось авторам практически неизбежным.

Уничтожая человеческий род, война действует схоже с другими разрушительными силами, особенно огнем, голодом и чумой, и эти несчастья порой предстают очевидно подобными друг другу или действующими сообща. Традиция, в соответствии с которой чума и война атакуют одновременно, началась с гомеровского описания Polemos и Loimos, вместе обрушивающихся на греческую армию (1.61 πόλεμός τε ‹...› καὶ λοιμός); схожим образом представляет эти феномены и Гесиод, рисуя, как Зевс воздает наказание за несправедливость (WD 243: λιμὸν ὁμοῦ καὶ λοιμόν); Фукидид тоже посвящает чуме немалую часть своего повествования — и это лишь несколько примеров[22]. Грегори Надь обращает внимание на то, что loigos — слово, обозначающее чуму, — является термином, который используется для описания убийства греков в битве у их кораблей[23]. Подобная лексика встречается и в других местах, а эти виды разрушения часто используются как синонимичные. Приведу лишь несколько примеров. Чума по аналогии с войной описана как горение, жар у Софокла (OT 165–156). В «Илиаде» битва и сама война часто изображаются в схожих метафорах (например, Il. 20.18: μάχη πόλεμός τε δέδηε «битва и война загорится»), и Гомер сравнивает воинов с огнем (Il. 13.39: Τρῶες δὲ φλογὶ ἶσοι ἀολλέες «сплотившиеся троянцы, подобные огню»; 18.1: οἱ μὲν μάρναντο δέμας πυρὸς αἰθομένοιο «они сражались, подобно горящему пламени»). В «Мире» Аристофана говорится, что Перикл разжег пламя в городе в начале Пелопоннесской войны (608: ἐξέφλεξε τὴν πόλιν), а затем раздул его в столь великую войну (610–611: ἐξεφύσησεν τοσοῦτον πόλεμον), что заставил глаза всех греков слезиться от дыма; в другой комедии поэт использует тот же образ горящего, как огонь, Stasis (Ran. 360). Чума тоже обретает политическое измерение. Города могут страдать от болезней в форме политических беспорядков, которые часто перетекают в гражданскую войну, в то время как хороший политик показательно выступает в роли лекаря, врачующего гражданскую общину (например, Th. 6.14, ср. Pl. Lg. 919b, X. Mem. 4.2.5). Эти образы могут смешиваться друг с другом; в знаменитом пассаже из «Эдипа-царя» чума, снова loimos, как особо отмечено, послана Аресом (190–191, 215)[24], в «Просительницах» Эсхила хор молит о том, чтобы Арес не уничтожал Аргос огнем (633–634).

---

[22] По предположению, высказанному в [Mittelstadt 1968: 148; Woodman 1988: 39], Фукидид в своем описании чумы кое-что преувеличил, дабы подчеркнуть явно необычный масштаб этой эпидемии.

[23] См.: [Nagy 1979: 74–77] об употреблении loimos и loigos у Гомера.

[24] Именно основываясь на соединении и у Фукидида, и в словах софокловского хора слов для чумы и войны, Б. Нокс полагал, что эти два текста связаны друг с другом [Knox 1956: 139].

Итак, война представляется грекам, по крайней мере в определенной степени, как опасная неконтролируемая сила, связанная с прочими феноменами, такими как чума и пожар, феноменами, обладающими схожим, в высшей степени разрушительным потенциалом. Что делает войну особенно интересной и отличает ее в ряду этих катастрофических явлений, это частичная, но важная роль человека, которую он играет в ее возникновении: война почти никогда не изображается как чисто политический кризис, каковой мы обычно привыкли ее видеть, и редко представляется порожденной моральными побуждениями (что иногда выдвигается в обоснование нынешних войн). Вместо этого она является как монстр, которого можно вызвать, но невозможно контролировать, и очень часто именно неумеренность человеческих аппетитов становится причиной, пробудившей его ото сна. Эта литературная тема, вероятно, дает толчок к развитию политической теории, которая впоследствии будет прямо, хотя и кратко сформулирована Платоном: война — это естественный результат чрезмерного людского потребления. Эта сила обращает подобное потребление в его противоположность, причем делает это множеством способов: она охотится на людей, пожирает их, собирает урожай из человеческих жизней и в то же время принуждает людей к свершению того же друг над другом, а к тому же еще и насылает на города голод. Подобная репрезентация войны в качестве чуть ли не естественной реакции организма в ответ на дисбаланс, существующий в обществе, поразительным образом помещает войну вне политики и полностью игнорирует геополитические запросы, которые так волнуют нас сегодня. В основе этих литературных образов лежит своеобразная и достаточно тонко разработанная философская картина того, что является причиной одного из величайших проклятий человечества. Может быть, поэтому греки — в отличие от игроков на современной политической сцене — не сильно рассчитывали на то, что войну можно предотвратить или ограничить.

Пер. с англ. ***К. С. Данилочкиной***

Литература

Arrington 2015 — *Arrington N.* Ashes, images, and memories: The presence of the war dead in fifth-century Athens. Oxford: Oxford Univ. Press

Bremmer 2013 — *Bremmer J. N.* The birth of the personified seasons (*Horai*) in archaic and classical Greece // Das Bild der Jahreszeiten im Wandel der Kulturen und Zeiten / Ed. by T. Greub. Munich: W. Fink, 2013. S. 161–178.

Glowacki 2003 — *Glowacki K.* A personification of Demos on a new Attic document relief // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 72. No. 4. 2003. P. 447–466.

Höfer 1909 — *Höfer O.* Personifikationen abstrakter Begriffe // Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie // Hrsg. W. H. Roscher. Bd. 3. Abt. 2. Leipzig: Teubner, 1909. Sp. 2068–2169.

Knox 1956 — *Knox B.* The date of the *Oedipus Tyrannus* of Sophocles // The American Journal of Philology. Vol. 77. No. 2. 1956. P. 133–147.

Mittelstadt 1968 — *Mittelstadt M. C.* The plague in Thucydides: An extended metaphor? // Rivista di studi classici. Vol. 16. 1968. P. 145–154.

Nagy 1979 — *Nagy G.* The best of the Achaeans: Concepts of the hero in Archaic Greek poetry. Baltimore: John Hopkins Univ. Press, 1979.

Neal 2006 — *Neal T.* Blood and hunger in the Iliad // Classical Philology. Vol. 101. No. 1. 2006. P. 15–33.

Price 2001 — *Price J.* Thucydides and internal war. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.

Reckford 1979 — *Reckford K. J.* 'Let them eat cakes' — Three food notes to Aristophanes' *Peace* // Arktouros: Hellenic studies presented to Bernard M. W. Knox on the occasion of his 65th birthday / Ed. by G. W. Bowersock, W. Burkert, M. C. J. Putnam. Berlin: W. de Gruyter, 1979. P. 191–198.

Reinhardt 1960 — *Reinhardt K.* Personifikation und Allegorie // Reinhardt K. Vermächtnis der Antike. Gesammelte Essays zur Philosophie und Geschichtsschreibung / Hrsg. C. Becker. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1960. S. 7–40.

Webster 1954 — *Webster T. B. L.* Personification as a Mode of Greek Thought // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 17. No. 1/2. 1954. P. 10–21.

Woodman 1988 — *Woodman A. J.* Rhetoric in classical historiography: Four studies. London: Routledge, 1988.

The appetites of war in ancient Greek literature

Bruzzone, Rachel
PhD
Assistant Professor
Faculty of Humanities and Letters, Bilkent University,
06800 Bilkent, Ankara, Turkey
Tel.: +90 (312)-266-41-29
E-mail: rachelbruzzone@gmail.com

Abstract. This paper explores representations of warfare in Greek literature by considering literary personifications of conflict, in particular its frequent depiction in the act of consumption. War often appears in the characters of Ares, Polemos or Stasis, and one of its most frequent features in all of these guises is its formidable appetite. In Aeschylus' *Suppliants*, for example, Ares "reaps" humanity (636), and he is sometimes called φθῖσίμβροτος, ἀκόρητος, and similar epithets. Aristophanes, meanwhile, shows Polemos preparing to cook the cities of Greece as food (*Pax* 230–289), and Solon describes Stasis as sleeping, satisfying another type of appetite (S. 4.19). Humans who cause or conduct a war are often associated with the same desires and hungers (e.g. H. *Il.* 11.67, Alc. f. 70.6). Literary treatments of war thus suggest a political philosophy about the nature and causes of conflict, which seems to both arise from and serve as the embodiment of a set of human appetites and desires. War often seems in fact to turn on its makers, inflicting humanity's hungers back upon it to consume society or force men to consume one another, a tendency which suggests the dangers of giving in to such appetites in the first place.

Keywords: war, appetite, characterization of conflict, ancient politics

References

Arrington, N. (2015). *Ashes, images, and memories: The presence of the war dead in fifth-century Athens*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Bremmer, J. N. (2013). The birth of the personified seasons (*Horai*) in archaic and classical Greece. In T. Greub (Ed.). *Das Bild der Jahreszeiten im Wandel der Kulturen und Zeiten*, 161–178. Munich: W. Fink.

Glowacki, K. (2003). A personification of Demos on a new Attic document relief. *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens, 72*(4), 447–466.

Höfer, O. (1909). Personifikationen abstrakter Begriffe. In W. H. Roscher (Ed.). *Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie* (Vol. 3, Part 2), Column 2068–2169. Leipzig: Teubner. (In German).

Knox, B. (1956). The date of the *Oedipus Tyrannus* of Sophocles. *The American Journal of Philology, 77*(2), 133–147.

Mittelstadt, M. C. (1968). The plague in Thucydides: An extended metaphor? *Rivista di studi classici, 16*, 145–154.

Nagy, G. (1979). *The best of the Achaeans: Concepts of the hero in Archaic Greek poetry*. Baltimore: John Hopkins Univ. Press.

Neal, T. (2006). Blood and hunger in the Iliad. *Classical Philology, 101*(1), 15–33.

Price, J. (2001). *Thucydides and internal war*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Reckford, K. J. (1979). 'Let them eat cakes' — Three food notes to Aristophanes' *Peace*. In G. W. Bowersock, W. Burkert, M. C. J. Putnam (Eds.). *Arktouros: Hellenic studies presented to Bernard M. W. Knox on the occasion of his 65th birthday*, 191–198. Berlin: W. de Gruyter.

Reinhardt, K. (1960). Personifikation und Allegorie. In K. Reinhardt. *Vermächtnis der Antike. Gesammelte Essays zur Philosophie und Geschichtsschreibung*, 7–40. C. Becker (Ed.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. (In German).

Webster, T. B. L. (1954). Personification as a mode of Greek thought. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, 17*(1/2), 10–21.

Woodman, A. J. (1988). *Rhetoric in classical historiography: Four studies*. London: Routledge.

To cite this article:

Brutstsone, R. (= Bruzzone, R.) (2017). Appetity voiny v drevnegrecheskoi literature [The appetites of war in ancient Greek literature]. Trans. by K. S. Danilochkina. *Shagi /Steps, 3*(4), 35–46. (In Russian).

Received August 1, 2017